

за нерешенности которых и произошла сама Февральская революция. Более того, оно не смогло защитить себя перед лицом надвигающейся внутренней и внешней угрозы.

В 1990-е гг. государственная власть в России сумела взять на себя ответственность за проводимые реформы, легитимизировать свое положение принятием новой российской Конституции, договориться об общественном согласии и перевести политическую борьбу с улиц и площадей в конституционные органы власти. Эта власть, в отличие от власти 1917 г., является сильной и постоянно отвечает на вызовы, которые приходят изнутри и извне страны, и предпринимает все необходимые меры по защите интересов России.

Следует обратить внимание на то, что изучение истории Февральской революции 1917 г. в настоящее время достаточно актуально, оно должно быть продолжено с учетом новых теоретических подходов и открывшихся источниковых возможностей. По мнению В. Лукина, «на все вопросы, поставленные в феврале 1917 г., до сих пор нет ясного и глубокого ответа»¹. Как правильно пишет А. А. Кара-Мурза: «У нас до сих пор полстраны считает, что это большевики свергли царя»². Об этом, кстати, можно прочитать на страницах некоторых новейших изданий. Ряд исследователей до сих пор полагают, что Февральская революция была делом одной лишь политической партии, которая затем в октябре 1917 г. пришла к власти³.

В. Д. Камынин

Использование метода исторических параллелей для изучения значения и места Февральской революции в истории России

В современной России пристальное внимание уделяется изучению политической истории. Специалисты в этой области утверждают, что «современная российская политическая система выступает в длительной исторической преемственности предшес-

¹ Почему случаются революции. – С. 3.

² Моск. новости. – 2007, 23 февр.

³ См.: Знаменательные и памятные даты. Свердловская область. 2007 год. – Екатеринбург, 2007. – С. 13.

твующих политических режимов, каждый из которых составляет определенную ступень в развитии общества и государства»¹.

Для того чтобы доказать эту преемственность, многие современные авторы занимаются изучением опыта демократического развития, накопленного на протяжении многих веков отечественной истории. Истоки формирования отдельных проявлений демократии они находят в самых отдаленных веках. И. П. Лейберов, Ю. Д. Марголис, Н. К. Юрковский считают, что с самого начала возникновения российского общества в нем «сохраняется определенный демократический потенциал, опирающийся на традиции свободомыслия, восходящие ко временам военной демократии у восточных славян»². С этим утверждением согласен Н. Н. Попов, который полагает, что «избирательные традиции в России имеют тысячелетнюю историю. Они складывались постепенно вместе с формированием государственности»³.

Не заглядывая далеко вглубь российской истории, обратимся к опыту Февральской революции 1917 г. Споры о ее месте в российской истории не затихают на протяжении десятилетий. Разброс мнений по этому вопросу очень широк и находится между полюсами: революция, сделавшая Россию самой демократической страной мира, и революция, открывшая длительную цепь трагических событий в истории страны и чуть было не поставившая Россию на грань национальной катастрофы. Большая часть современных ученых признает демократическую направленность преобразований, начатых Февральской революцией, однако они пытаются разобраться в том, почему российское общество не было готово принять демократическую форму правления в 1917 г. Ученые отвергают советскую историографическую традицию, которая доказывала, что альтернативы прихода к власти большевиков в 1917 г. не существовало, ибо Временное правительство, пришедшее к власти в результате февральско-мартовских событий, так и осталось «временным» и не решило ни одной проблемы, стоящей перед Россией.

Современные историки объясняют поражение Февральской революции различными причинами. Многие российские и западные историки подчеркивают значение аграрного вопроса в России, так

¹ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1997. – С. 6.

² Лейберов И. П., Марголис Ю. Д., Юрковский Н. К. Традиции демократии и либерализма в России // *Вопр. истории*. 1996. – № 2. – С. 4.

³ Кириллов А. Д., Попов Н. Н., Кириллов Б. А. Урал политический: история и современность. Партии. Выборы. Депутаты. – Екатеринбург, 1999. – С. 7.

и не решенного Временным правительством. С. А. Нефедов указывает на то, что «Россия начала XX в. была еще, в основном, доиндустриальным, традиционным обществом, и подавляющее большинство населения страны составляло крестьянство»¹.

В связи с празднованием 90-летнего юбилея Февральской революции 1917 г. в России достаточно актуальным стал метод проведения исторических параллелей между различными периодами отечественной истории, когда в России у власти находились представители демократического лагеря. Авторы полагают, что этот метод позволяет лучше понять значение данной революции для судеб нашей страны и причины неудач демократических экспериментов в российской истории.

Сразу скажем, что этот метод использовался историками и ранее. В частности, в 1990-е гг. многие исследователи апеллировали к опыту Учредительного собрания, которое открылось в Петрограде 5(18) января 1918 г. уже в условиях военного положения и было вынуждено очень скоро прекратить свою работу.

По мнению А. Н. Медушевского, опыт работы Учредительного собрания показал, что «в своей борьбе за гражданское общество и правовое государство русские конституционалисты столкнулись с такими факторами, как чрезвычайно низкий уровень политической и правовой культуры населения вообще, правящих кругов и интеллигенции в частности, отсутствие традиций парламентской деятельности и соответствующей социальной практики взаимодействия общества и государства; классовый эгоизм, преобладание настроений в пользу немедленных выгод без учета длительной перспективы преобразований. Отсюда преобладание силовых методов решения социальных проблем, приведших к установлению авторитарного режима»².

С нашей точки зрения, весьма продуктивной для понимания реального значения Февральской революции для России является проведение параллели между событиями Февраля 1917 г. и деятельностью правительств «демократической контрреволюции», существовавших на огромной территории России, освобожденной от большевиков, летом-осенью 1918 г. Эти правительства были разными по составу, по проводимой политике, однако их объединяло одно — все они считали себя наследниками Февральской революции и представляли собой разогнанное большевиками Учредительное собрание.

¹ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: Конец XV — начало XX в. — Екатеринбург, 2005. — С. 420.

² Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм. — С. 476.

Среди этих правительств особый интерес представляет Временное областное правительство Урала, которое существовало в Екатеринбурге с 19 августа по 4 ноября 1918 г. Деятельность этого правительства получила достаточно полное освещение в исторической литературе¹. Однако обращает на себя внимание отсутствие среди историков единого мнения о составе, социальной опоре, причинах создания, направленности деятельности и причинах поражения данного правительства, которое, по терминологии И. М. Майского, относилось к правительствам «демократической контрреволюции»².

По нашему мнению, ответить на все эти вопросы возможно, опираясь на изучение тех практических мероприятий, которые были проведены в жизнь или намечались этим правительством за недолгий период его существования. От этого правительства остался большой комплекс источников³, в том числе уникальный источник, вобравший в себя все законодательство, принятое Временным областным правительством Урала⁴.

Рассмотрим дискуссию о составе этого правительства. И. С. Капцегович определял его как правительство с черносотенно-кадетским большинством⁵. З. А. Аминев считал, что это правительство было эсеро-кадетским⁶. Для того чтобы ответить на вопрос о партийной принадлежности членов Временного областного правительства Урала, следует взглянуть на его персональный состав.

¹ См.: Силинг Р. Временное областное правительство Урала // Урал. коммунист. – 1929. – № 9; Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала (К истории о «третьем» пути русской революции) // История СССР. – 1992. – № 1; Камынин В. Д. К вопросу об организации демократической власти в Екатеринбурге летом 1918 г. // Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX в. – Екатеринбург, 1993; Он же. Временное областное правительства Урала // Екатеринбург: Энциклопедия. – Екатеринбург, 2002; Коробкин А. А. Декларация Временного областного правительства Урала как исторический источник // История России первой трети XX в.: историография, источниковедение. – Екатеринбург, 1996; Он же. Экономическая политика Временного областного правительства Урала // Урал индустриальный. 1996. – Екатеринбург, 1997; Дмитриев Н. И. Временное областное правительство Урала // Урал. ист. энциклопедия. – Екатеринбург, 1998; 2000. 2-е изд.; и др.

² См.: Майский И. М. Демократическая контрреволюция. – М., 1923.

³ См.: Антибольшевистское правительство: Документы Временного областного правительства Урала // Уральский областник (Екатеринбург). – 1991. – № 2; Антибольшевистское правительство: Из истории Белого движения. Док. и мат. / Под ред. Т. И. Славко. – Тверь, 1999.

⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. Екатеринбург, 1918. № 1–6 (27 августа – 23 октября).

⁵ См.: Капцегович И. С. Прикамье в огне гражданской войны. – Пермь, 1967. – С. 32.

⁶ См.: Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917 — 1919 гг.). – Уфа, 1966. – С. 294.

Н. Н. Попов пишет: «Возглавил коалиционное Временное областное правительство Урала кадет П. В. Иванов. В правительство также вошли эсер А. В. Прибылев, меньшевик П. В. Мурашев, кадет Л. А. Кроль и др.»¹ Любопытно, что скрывается у автора за буквами — «и др.»?

Е. П. Сичинский указывает, что в состав правительства «вошли два кадета, по одному представителю от эсеров, меньшевиков и народных социалистов и двое беспартийных, близких к верхушке промышленных кругов»². Таким образом, в состав правительства, по мнению автора, вошли 7 человек и среди них получается перевес на стороне правых социалистов. Н. И. Дмитриев пишет о 8 Главноуправляющих в составе Временного областного правительства Урала и перечисляет их поименно. По его подсчетам, в правительство входили 2 кадета, 2 эсера, 1 народный социалист, 1 меньшевик и 2 беспартийных³. Таким образом, перевес в сторону социалистов еще более возрастает.

Все споры о численности и партийном составе правительства происходят из-за того, что в обращении «От Временного областного правительства Урала», где перечислялись цели правительства и его состав, назывались лишь фамилии членов правительства и их должности⁴. В документе названы фамилии лишь 7 Главноуправляющих в составе правительства. Внимательное изучение всей совокупности литературы и источников позволило более точно определить партийную принадлежность каждого члена правительства.

Обратимся к такому важному источнику, как воспоминания Главноуправляющего труда Временного областного правительства Урала П. В. Мурашева. Эти воспоминания были написаны в 1949 г. и впервые опубликованы в 1994 г. историками С. П. Васильченко и Е. П. Сичинским. П. В. Мурашев пишет, что членов правительства на своих собраниях выдвинули на своих конференциях 4 партии: меньшевики, эсеры, народные социалисты и кадеты. Три первые партии выдвинули по одному кандидату. Далее П. В. Мурашев пишет: «Остальные посты были отданы кадетам: финансов — Кроль, горной промышленности — инженер Гутт, юстиции — председатель окружного суда Глассон, председатель правительства муко-

¹ Урал в панораме XX века. — Екатеринбург, 2000. — С. 118.

² Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала. — С. 164.

³ См.: Дмитриев Н. И. Временное областное правительство Урала. — С. 131.

⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. — Екатеринбург, 1918. — № 1. — С. 3.

мол — инженер по образованию — Иванов»¹. Можно спорить о том, состояли ли А. Е. Гутт и Н. Н. Глассон формально в партии кадетов или нет, но то, что они являлись представителями кадетской партии в правительстве и проводили ее политику — несомненно. Не выдерживает критики замечание А. А. Коробкина о том, что некоторые историки необоснованно причисляют «беспартийных министров к кадетам»².

Таким образом, в правительстве мы обнаруживаем кадетов П. В. Иванова, Л. А. Кроля, А. Е. Гутта и Н. Н. Глассона, народного социалиста Н. В. Асейкина, эсера А. В. Прибылева (у П. В. Мурашева фамилия последнего пишется как А. В. Прибылов), меньшевика П. В. Мурашева. Последний пишет в своих воспоминаниях: «Таким образом, большинство в правительстве было кадетское, и в дальнейшем с полной очевидностью выяснилось, что социалисты тянутся в хвосте кадетов большинства»³.

Справедливости ради следует отметить, что приказом Временного областного правительства Урала от 12 октября 1918 г. был назначен еще один главноуправляющий эсер В. М. Анастасиев⁴ (у Н. И. Дмитриева — В. М. Анастасьев. — В. К.). Таким образом, представительство либералов и социалистов даже формально уравнилось.

Это позволяет определить состав Временного областного правительства Урала как либерально-социалистическое. В нем было поровну кадетов, с одной стороны, и правых социалистов — с другой. Состав Уральского правительства заметно отличался от состава Учредительного собрания России по итогам выборов ноября 1917 г., однако был более сбалансированным с точки зрения соотношения политических сил, чем «правое» Сибирское правительство и «левый» Комуч.

По нашему мнению, состав Уральского правительства можно сравнить с составом первого коалиционного Временного правительства России 1917 г. Кадеты играли в нем ключевую роль, поскольку занимали посты Председателя и заместителя Председателя правительства, совмещая их с постами Главноуправляющих (ми-

¹ Из воспоминаний Главноуправляющего труда Временного областного правительства Урала П. В. Мурашева «Контрреволюция на Урале 1918 — 1919 гг.» // Урал. областник (Екатеринбург). — 1994. — № 4. — С. 29.

² Коробкин А. А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето — осень 1918 г.) в России: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2003. — С. 24.

³ Из воспоминаний Главноуправляющего труда Временного областного правительства Урала П. В. Мурашева «Контрреволюция на Урале 1918 — 1919 гг.». — С. 29.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. — Екатеринбург, 1918. — № 6. — С. 14.

нистов) торговли и промышленности, финансов, горных дел и юстиции. Социалисты держали в своих руках Главные управления внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, труда, народного просвещения.

Более точно ответить на вопрос о том, почему состав Уральско-го правительства был именно таким, а не другим, позволяет изучение обстоятельств его создания в августе 1918 г. По этому вопросу в литературе также можно найти различные мнения. Л. А. Кроль в своих воспоминаниях писал о желании политических кругов Екатеринбурга при создании «демократического правительства» усилить представительство демократических элементов в составе предстоящего Государственного совещания, учитывая «правый» состав сибирского правительства¹.

В 1920-е гг. было выдвинуто мнение о том, что Временное областное правительство Урала было создано искусственно при поддержке Антанты, которое было заинтересовано в сохранении единого антибольшевистского фронта в России и в том, чтобы не дать усилиться ни сибирскому правительству, ни Кому за счет Урала². Согласно этому мнению, Антанте было более выгодно опереться на кадетов и представителей промышленных кругов. Версия об Уральском «буферном» правительстве разделяется и некоторыми современными исследователями³, в том числе зарубежными⁴.

Е. А. Плешкевич хотя и отрицает версию о «буферном» правительстве, но признает решающую роль в образовании Временного областного правительства Урала интервентов, желавших разделить Россию. По его словам, «одной из основных причин образования правительства стало вмешательство в процесс восстановления государственной власти иностранных сил». Автор считает, что Временное областное правительство Урала «возникло как компромиссное решение в ходе противодействия попыткам чехословакам и союзникам оккупировать Средний Урал»⁵.

О. А. Васьюковский и Е. П. Сичинский указывают, что состав Уральского правительства не мог быть иным по причине «специ-

¹ Кроль Л. А. За три года (Воспоминания, впечатления, встречи). – Владивосток, 1921. – С. 66.

² См.: Силинг Р. Временное областное правительство Урала. – С. 24.

³ См.: Ревнивцев М. В. О флаге области Урала 1918 г. // Уральский родовед (Екатеринбург). – 1998. – Вып. 3. – С. 92.

⁴ См.: Перейра Н. О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. – М., 1996. – С. 174.

⁵ Плешкевич Е. А. Временное областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 2002. – № 10. – С. 50, 54–55.

фики региона и расстановки классовых сил». Буржуазия связывала с этим правительством надежды на экономическое возрождение региона, но не желала пойти по пути сибирского правительства, которое, оттеснив от власти социалистов, вызвало взрыв недовольства трудящихся. Поэтому в состав Временного областного правительства Урала были включены представители буржуазных и правосоциалистических партий¹.

По мнению Е. А. Плешкевича, уральская буржуазия в силу своей специфики — «большинство владельцев уральских заводов находились за границей, оставив вместо себя управляющих или исполнительных директоров, по сути, обыкновенных служащих» — не высказывала своей особой заинтересованности в создании Уральского правительства². Лидер уральских кадетов Л. А. Кроль признавал, что торгово-промышленный класс Урала «тянуло к Сибирскому правительству»³.

Особенно активно дискуссии среди историков шли и идут по вопросу о политике, проводимой Временным областным правительством Урала. Эти споры начались еще в советское время. И. М. Майский, будучи активным деятелем этого движения, полагал, что «демократическая контрреволюция» претендовала на некий «третий» путь в русской революции, ведя одновременно борьбу с красными и белыми. О. А. Васьковский писал, что «режим демократической контрреволюции опирался первоначально не только на штыки белогвардейцев и интервентов, но и на доверие определенной части трудящихся, которая продолжала поддерживать политические лозунги меньшевиков и эсеров»⁴.

И. Ф. Плотников, напротив, считал, что все правительства «демократической контрреволюции», образованные на огромной территории России, освобожденной от большевистского режима летом-осенью 1918 г., проводили единую политику, направленную на реставрацию буржуазно-помещичьих порядков. По его словам, «различие между эсеровско-меньшевистскими правительствами Поволжья и Сибири, с одной стороны, и Уральским правительством Иванова, с другой, заключалось лишь в том, что последнее почти не скрывало своей антинародной сущности и более откровенно слу-

¹ См.: Васьковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Вопросы историографии гражданской войны на Урале. – Свердловск, 1967. – С. 143; Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала. – С. 165.

² Плешкевич Е. А. Временное областное правительство Урала. – С. 49.

³ Кроль Л. А. За три года. – С. 76.

⁴ Васьковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе. – С. 133.

жило крупной буржуазии и помещикам»¹. Таким образом, автор не видел принципиального отличия между правительствами, составленными из «учредилловцев», среди которых доминировали меньшевики и эсеры, и правительствами белых генералов и адмиралов.

Эти споры продолжаются и в современной историографии. Однако среди современных исследователей наиболее популярной является версия о «демократической контрреволюции» как выразителе «третьего» пути в революции. Е. П. Сичинский пишет: «История Временного областного правительства Урала представляет собой одну из попыток правых социалистов предложить свой «третий путь» развития революции»². О. Ю. Никонова также считает, что «законотворческая деятельность правительств «демократической контрреволюции», как в ее декларативной части, так и в конкретных нормативных постановлениях, отражала стремление умеренных социалистов найти «третий путь» в русской революции»³.

С нашей точки зрения, именно историки, говорящие о возможности «третьего пути» в русской революции, наиболее часто обращаются к параллелям между Февральской революцией 1917 г. и правительствами «демократической контрреволюции». По словам Е. П. Сичинского, основная идея внутривластной программы Временного областного правительства Урала «состояла в том, чтобы на основе демократических завоеваний Февральской революции, гражданского согласия и классового мира объединить широкие круги населения для возрождения России»⁴. О. Ю. Никонова пишет: «Социально-экономический курс Комуча, Временного Сибирского и Областного Уральского правительств формировался с учетом теоретических представлений правых меньшевиков и эсеров о длительном этапе капиталистического развития, который предстояло пройти России после Февральской революции 1917 г. Характерной чертой социально-экономической политики всех коалиционных правительств был возврат к законодательству буржуазно-демократического Временного правительства»⁵.

¹ История Урала. – Пермь, 1977. – Т. 2: Период социализма. – С. 97–98.

² Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала. – С. 164.

³ Никонова О. Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918 — 1919 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Челябинск, 1996. – С. 15.

⁴ Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала. – С. 166.

⁵ Никонова О. Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918 — 1919 гг.). – С. 15.

Различные точки зрения высказывают историки о причинах поражения Временного областного правительства Урала в годы гражданской войны. Сторонники точки зрения о большой роли интервентов в его создании видят основные причины его ликвидации в «противодействии со стороны русского офицерского корпуса», «несогласованности действий и противоречиях между французами и англичанами, а также между союзниками и чехословаками»¹.

Сторонники взгляда на «демократическую контрреволюцию» с позиций «третьего» пути в революции указывают на негативную роль правых социалистов, их неумение найти компромисс с либералами. Е. П. Сичинский пишет, что «стремление ограничить власть крупного капитала, не допустить передачи земли в руки прежних собственников, сохранить некоторые завоевания рабочего класса встретили серьезное сопротивление правых сил. Испытывая постоянное давление крупной буржуазии и не имея возможности противостоять ему, меньшевики и эсеры вынуждены были идти на уступки за счет ограничения прав трудящихся. Не обладая реальной властью, уральская демократия не могла ничего противопоставить и развернувшемуся произволу военщины. В результате неспособность выполнить свои политические обещания и обуздать реакцию стали причиной изоляции как правых социалистов, так и правительства, в которое они входили»².

О. Ю. Никонова также признает, что после поражения социалистов «промышленники и представители торгового капитала, почувствовав в военной диктатуре свою власть, усилили давление на правительство Колчака, добиваясь возможно полной реставрации капиталистических отношений»³.

Таким образом, история недолгого времени нахождения у власти Временного областного правительства Урала позволяет лучше понять причины неудачи Февральской революции 1917 г. В течение весны-осени 1917 г. и лета-осени 1918 г. одни и те же политические силы демократической направленности, получив власть, не сумели ее удержать, поскольку не смогли договориться о методах проводимой политики. И в 1917 г., и в 1918 г. этим воспользовались радикальные силы и свергли либералов и правых социалистов, лишив Россию возможности пойти по демократическому пути развития.

¹ Плешкевич Е. А. Временное областное правительство Урала. – С. 55.

² Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала. – С. 171.

³ Никонова О. Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918 — 1919 гг.). – С. 17.